

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ЗАМЕЧАНИЯ НА
КРАТКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1822-ГО ГОДА,
НАПЕЧАТАННОЕ В № 5
СЕВЕРНОГО АРХИВА
1823-ГО ГОДА

Петр Андреевич Вяземский
Замечания на краткое
обозрение русской литературы
1822-го года, напечатанное в №
5 Северного архива 1823-го года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24510584

Аннотация

«„Мое мнение не есть строгий и неотзовной приговор, но только мнение. Пусть всякий поверит и рассудит“, – сказал г. Булгарин в кратком обозрении Русской литературы 1822 года. Применяя слова его к себе, приступаю к поверке некоторых его мнений, показавшихся мне ошибочными. Немногие у нас дают себе труд мыслить; еще менее число тех, кои мыслят вслух. Тем благодарнее должны мы быть в писателям, покушающимся на такое предприятие; но тем неутомимее и щекотливее обязаны мы быть в разборе предлагаемых суждений. Полуистины вреднее в нашем быту, чем где-нибудь...»

Содержание

Петр Вяземский
Замечания на краткое
обозрение русской
литературы 1822-го
года, напечатанное
в № 5 Северного
архива 1823-го года

«Мое мнение не есть строгий и неотзовной приговор, но только мнение. Пусть всякий поверит и рассудит», – сказал г. Булгарин в кратком обозрении Русской литературы 1822 года. Применяя слова его к себе, приступаю к проверке некоторых его мнений, показавшихся мне ошибочными. Немногие у нас дают себе труд мыслить; еще менее число тех, кои мыслят вслух. Тем благодарнее должны мы быть в писателям, покушающимся на такое предприятие; но тем неутомимее и щекотливее обязаны мы быть в разборе предлагаемых суждений. Полуистины вреднее в нашем быту, чем где-нибудь. Там, где истины обнародываются множествами голосов, мнения превратные прямятся мнением общественным, или заглушаются и погибают неприметно. У нас же каждый

нечаянный звук долго отзывается и приемлет некоторую существенность.

В начале статьи своей, обозреватель, в чертах живых и полных истины, означает отношения литературы народа с нравственным бытием его; отношения, разительные в других государствах, но у нас едва приметные. Это справедливо! Но справедливо ли полагает он причину недостатка в хороших авторах, в недостатке читателей? Один хороший автор рождает сотни читателей; но целый народ читателей не произведет ни единого, даже посредственного автора.

Честь занять место в позлащенных шкафах светского человека, о коих упоминает г. Булгарин, есть ненадежное вдохновение. Авторское дарование, коего честолюбие стремится попасть за стекло, может остаться под спудом, без значительного ущерба для пользы литературной и общественной. Конечно, писателям поощрение нужно, но не то, коего желает им г. Булгарин. Не тут ищет он причины задержания успехов наших на литературном поприще. Если не читатели зажигают в авторе искру дарования, то еще более не они налагают на него оковы. Напрасно обозреватель присваивает себе здесь сетование писателей, жалующихся на недостаток читателей, когда им надлежало бы жаловаться на одну природу, щедрую к ним в недостатках! Хорошие книги читаются у нас охотно, или по крайней мере, чтобы не судить по наружности, охотно раскупаются. *История Государства Российского, Теория о налогах, Опыт о партизанском действии,*

сочинения различного содержания и достоинства, но, одним словом, сочинения Европейские, доведены в скорое время до второго издания. Во Франции или Германии иная книга выдерживает пять, шесть изданий непрерывно, это правда, но забывать не должно, что Немецкий или Французский писатель пишет для всей Европы, а наш только для России.

Будем справедливы и основательны в укоризнах своих. Жалобы на равнодушие публики к трудам Русских писателей, на пристрастие нашего общества к языку Французскому на холодность женщин к усилиям нашим угодить им своими стихами и прозою, уместны были во времена *Живописца* и *Собеседника*. Ныне такое сетование есть анахронизм, ныне если Русским писателям жаловаться, так не на это. Тогда мало читалось, теперь и того менее печатается. Охота к чтению, жажда познаний очевидно усиливается в наше время и в нашем поколении. Нет сомнения, что отличная часть читателей наших преимущественно предается чтению иностранных книг; но не потому ли, что иностранные произведения удовлетворяют более господствующим требованиям нашего поколения, соглашаются более с степенью образованности умов? Посмотрите, с какою жадностью наша молодежь читает газеты и журналы иностранные! Можно ли, по совести, требовать от неё, чтобы она с тем же рвением и прилежанием читала наши журналы? Что сказано о периодических изданиях, то можно применить вообще и к другим книгам.

Литература должна быть выражением характера и мнений

народа: судя по книгам, которые у нас печатаются, можно заключить, что у нас или нет литературы, или нет ни мнений, ни характера; но последнего предположения и допустить нельзя. Утверждать, что у нас не пишут от того, что не читают, значит утверждать, что немой не говорит от того, что его не слушают. Развяжите язык немому и он будет иметь слушателей. Дайте нам авторов; пробудите благородную деятельность в людях мыслящих и – читатели родятся. Они готовы; многие из них и вслушиваются, но ничего от нас дослышаться не могут, и обращаются поневоле к тем, кои не лепечут, а говорят. Русские книги читаются до сей поры одними артистами, но у любителей должны они быть еще в малом употреблении. Древняя медаль может иметь цену в глазах антиквария; но незнанок предпочтет ей всегда ходячую монету. Беда в том, что писатели наши выпускают мало ходячих монет. Радуйтесь пока, что хотя иностранные сочинения находятся у нас в обращении; пользуясь ими мы готовимся познавать цену и своих богатств, когда писатели наши будут бить, из отечественных руд, монету для народного обихода.

Мысль г. Булгарина, что известность лучших литераторов наших зависеть должна обыкновенно от каких-нибудь благоприятных обстоятельств¹, кажется мне совершенно оши-

---

¹ «Издредка встречаются примеры, что некоторые необыкновенные литераторы, заслужив славу, успели приобрести известность в России. Но и в сем случае каким-нибудь благоприятным обстоятельством надлежало прежде вывести сих людей на путь счастья, или отличить другим родом знаменитости, чтобы во всем

бочна и даже предосудительна, как для самих дарований, так и для мнения общественного. Державин, конечно, не чинам и почестям своим обязан, что Россия затвердила стихи его; но скорее можно определить, что дарование его было первою степенью успехов его по службе. С чувством народной гордости, можем не его одного выставить исключением из правила, изложенного г. Булгариным. Скажем более: с величайшею охотою оправдать сие мнение, хотя одним примером, не находим в списке истинно заслуженных писателей наших ни одного, который обязан был бы за известность заслуг своих литературных выслугам светским и побочным. Нельзя не заметить, что мы имеем какое-то уничижение, нам одним свойственное, уничижение, ослепляющее нас на счет тех из соотечественников наших, коими по справедливости могли бы мы наиболее гордиться, и перед собою и перед иностранцами. Нам все как будто не верится, что можем в числе современников наших иметь писателей отличных. Если слава их, рассеяв все препоны и достигнув лучезарного полдня, уже слишком нестерпимым блеском светит нам в глаза, то мы стараемся уверить себя и других, что блеск этот заемный. Другие спешили бы радоваться появлению светила и приветствовать его чувством признательным, мы спешим утешиться тем, что и в этом солнце есть пятна. Сие смирение некоторых, может быть впрочем и благонамеренных людей тех пагубнее, что оно не хотя угождает и зависти, также

блеске выказать их достоинства». — *Булгарин.*

по своим расчетам непризнающей дарований, и если не в заблуждениях, то по крайней мере в действиях своих сливается с нею в одно чувство.

Дороговизна Русских книг без сомнения убавится, по словам обозревателя, по мере, как продажа их более распространится; но забывать не должно, что доньше и самые средства в печатанию дороже у нас, чем в других землях. Книжная торговля не получит благонамеренного направления, пока будет в руках одних торговцев, пекущихся, без сомнения, гораздо более о собственных выгодах, чем о пользе общественной. Для достижения истинно-народной цели в печатании и продаже книг, необходимо на первый случай заведение общества типографического, составленного из литераторов и других ревностных друзей успехов просвещения. Польза общественная была бы первым побуждением и главною мерою трудов их благородных, а выручка умеренная – достаточным обеспечением капиталов, употребленных ими.

Разборы сочинений, вышедших в 1822 году и упомянутых в статье г. Булгарина, кажется, вообще слишком поверхностны и также, по мнению нашему, содержат довольно ошибочных предположений. Заметим главнейшие:

Если г. Булгарину трудно поверить, чтобы несколько легких и мелких прозаических сочинений (впрочем, на каких весах определяет он легкость и мелкость оных сочинений?), помещенных в Московских журналах, могли преобразовать язык до такой степени, на какой он находится в наше время;

то почему же верит и удостоверяет он, что один Ломоносов по справедливости назваться может преобразователем языка? И Ломоносов написал не более, как два похвальный слова и слабое начертание Русской истории. Его *Грамматика и Риторика*, о коих упоминает обозреватель, не могут утвердить за ним чести преобразования: во-первых, потому, что ни грамматика, ни риторика никогда не могут преобразовать язык, а только установить его правила, так сказать собрать и обнародовать его законы; во-вторых, потому, что ни та, ни другая не остались у нас не только классическими, но даже и классными или училищными творениями. Признать Ломоносова преобразователем Русского стихосложения, дело другое. В нашем стихотворстве и поныне, более или менее, господствуют еще правила и формы, им введенные; но как назвать его преобразователем ныне существующего прозаического слога, когда никто не пишет по его образцу?

Похвальное суждение обозревателя о книге Лабома², найдет, вероятно, много противников как во Франции, так и в людях, сведущих в искусстве военном.

Упомянув о собрании образцовых сочинений и переводов в стихах, кажется, обозреватель обязан был сказать утвердительно, что все таковые собрания, доселе у нас вышедшие, погрешают в составлении своем против изящности.

У нас, где всего два или три истинно-образцовые писа-

---

² История о низвержения Наполеона. Г. Булгарин хочет уверить Россиян, что г. Лабом почитается ныне одним из лучших военных писателей.

теля, выдается по несколько томов образцовых³ сочинений! Если верить на слово нашим расточительным собирателям, то иностранным литературам пришлось бы стыдиться перед нашею бесплодием своему. Но, к сожалению, должно признаться, что если книгопродавец для выгод своих может выставить несколько томов образцовых стихотворений Русских, то истинный литератор, по совести, наберет их не более, как на один том и хо не тяжеловесный.

Известие о собрании сочинений графа Хвостова должно было бы по справедливости оставить без уважения, если б последние строки не содержали мнения, вовсе необдуманного, хотя и выставленного с какою-то уверительностию: «Легче и надежнее судить о поэтах, которые еще не перешли за средину своего литературного поприща, нежели о людях, которые уже совершили оное». Совсем напротив! Единственно о последних и можно судить утвердительно и окончательно; о других всякий суд есть только временный и так-сказать задаточный. Оценка и расплата бывают по окончании, а не в продолжении трудов. Употребив слово: надежнее, не хотел ли г. Булгарин сказать, что о писателях в возрасте усовершенствования можно давать приговоры и строгие, в надежде, что они исправятся, а что худой писатель, уже переступивший за этот возраст, должен оставлен быть в покое, как больной безнадежный оставлен бывает жалостными врача-

---

³ Не надлежало бы называть такие книги собранием *образцовых*, а лучших или избранных сочинений и переводов.

ми? Быть может! Но в таком случае приговор его сбивается на двусмысленные изречения древних оракулов; и свойственна ли сия двусмысленность независимости и откровенности, сим двум наследственным добродетелям Республики Словесности? У нас хороших писателей щадит не любят; но за то как бережливо, как сострадательно обходятся с худыми. Им только и житье у критиков наших: они их носят на руках!

Статья библиографии в *Сыне Отечества* была бы точно важна, как говорит г. Булгарин, если б издатель обрабатывал ее тщательнее и постепенно давал в ней отчет своим читателям о всех новых книгах, заслуживающих внимания. В предыдущих годах она была гораздо занимательнее и полезнее; ныне же, признаться должно, достоинство её весьма понизилось. Ныне современная Русская библиография по большей части ни что иное, как список с книжных объявлений или, еще правильнее, выписка, без разборчивости составленная: ибо, когда с точностию упоминается в ней о бриллиантовых книжках для малых детей и тому подобных, некоторые сочинения, в особенности же переводы, истинно Европейского достоинства, пропускаются без внимания.

Литературные прибавления к *Сыну Отечества*. «Сие издание должно почитать особливим журналом», говорит обозреватель. Осмелился сказать, что сие повременное издание никак журналом почитаемо быть не может, а разве сборником повестей, и, вопреки мнению его, часто не весьма отлич-

ных ни по выбору, ни по слогу своему. Прилагательное *Литературные*, приданное к *прибавлениям*, дает право требовать от них более разнообразия, изящности и разборчивости в выборе статей, одним словом более литературного достоинства.

Мнение обозревателя о *Вестнике; Европы*, отличном по благородной литературной независимости, чуждом всех партий и чистоте языка, не приемлется мною без исключения. Скажу откровенно, что признаю в некоторых статьях его независимость, чуждую чистоте языка, но во многих других не нахожу отчуждения от партии, которая существует в Литературе нашей. По истине, Республика Словесности не разделена у нас на партии; но в ней отделяется одна партия «посредственности», не золотой, а разве свинцовой; не той, которую воспевал Гораций, но той, которая от современных ему Бавиев и Мениев считает клеветов своих в противниках писателей знаменитых и образцовых.

Уважаю г. Гнедича и дарование его, многими опытами ознаменованное; но, самым уважением к нему побуждаемый, скажу, не запинаясь, что, вопреки мнению обозревателя и многих других, не признаю в *Рыбаках* его особенной услуги поэзии. Мы слишком очерствели; в быту наших Титиров и Мелибеев так мало буколической изящности и свободы; век их так мало похож на золотой век, что Идиллии и Эклоги наши, не смотря на достоинство стихосложения, всегда будут холодны и пасмурны, как небо, которое большую

часть года одним мраком одевает природу, вовсе не Темпейскую.

Охотно соглашаюсь с обозревателем во мнении его о достоинстве *Дум* г. Рылеева; но несправедливо, кажется, полагает он, что сей род стихотворений занимает средину между элегиею и героидою, По содержанию своему относятся они к роду повествовательному, а по формам своим к лирическому. Что же может быть в них общего с элегиею, известною нам по образцам, оставленным Тибуллом и новейшими поэтами, или с *Героидами* Овидия и многих Французских поэтов отличившихся по следам его?

Нам кажется также неосновательным упрек, делаемый обозревателем богатым Русским боярам, что они не любят, по примеру Англичан, Французов и Немцев, предаваться трудностям отдаленного путешествия и ограничиваются обыкновенно Парижем, Италиею и Лондоном. Далекия и неизвестные страны могут возбуждать беспокойное или ученое любопытство иностранцев, кои, не выезжая из земель своих, пользуются всеми сокровищами образованности государственной и зрелого просвещения; но наши путешественники, движимые другим любопытством, ездят по классическим землям образованности Европейской, чтобы удовлетворять потребностям, менее отвлеченным и более нам сродным. Не спорим, что похвально отыскивать сокровенный источник Нила и разбирать на месте таинственные гироглифы; но искать источники благосостояния народов и

правительств, учиться тайнам государственной науки в тех странах, где преподается она издавна и всенародно, еще того похвальнее и стократ полезнее.